

Северный

Глубина. Начало

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Северный
Глубина. Начало

«Автор»

2026

Северный

Глубина. Начало / Северный — «Автор», 2026

Сто двадцать четыре года назад реальность дала трещину. Из разломов хлынули твари. Мир не погиб — он изменился. Россия сжалась до военных городов-крепостей. Москва — в руинах. Выжившие защищают свои стены любой ценой. Егор — «чистый», человек с редкой устойчивостью к влиянию разломов. Он слышит голоса, которые манят его в самое опасное место на Земле — в глубину S-разлома, откуда никто не возвращается. Но голоса не врут. Там ждет ответ на главный вопрос: что такое разломы на самом деле? И можно ли их остановить?

© Северный, 2026

© Автор, 2026

Северный Глубина. Начало

По всему миру начали открываться разломы, они выглядели как царапины в реальности. Наша страна, так же как и весь мир оказался не готов к таким изменениям. Пока все страны гадали, что из себя представляют эти разломы, из них начали выходить жуткие твари, чем-то напоминающие людей, но с неестественно длинными руками и ногами, имеющие страшное желание вырезать все живое на своем пути.

Их можно было убивать с помощью обычного оружия, но их скорость и сила делала их крайне сложными противниками. Они могли голыми руками разрывать стальную броню танков. Ради убийства одного из них, терялись десятки жизней.

Но хуже всего было то, что разломы появлялись еще и в городах, потери среди мирного населения в первый год превышали миллионы. Многие города были потеряны и сейчас лежали в руинах. После первых атак они все вернулись обратно в разломы. Как позже оказалось, они не могли долго находиться в нашем мире, из-за отличия их физиологии.

Пока весь мир находился в состоянии хаоса, в Мексике одна группа людей, сумевшая убить тварь, попробовала мясо этих тварей. После этого с их телами начали происходить изменения - они стали сильнее, быстрее и прочнее. Но это длилось не долго. Мутации, которым они подверглись поедая мясо, вышли из под контроля. Вскоре вся группа умерла в ужасных муках. Но этот случай показал, что есть возможность сражаться с тварями. Ученые со всего мира начали работать в этом направлении. И спустя год, после первого прорыва, в мире появилась первая сыворотка. Люди принявшие сыворотку получили силу, благодаря которой мы смогли не дать человечеству погибнуть.

Я живу в России, если быть точнее в военном городе номер 47. Сейчас идет 124 год со дня первого разлома. Наша страна из-за ее размеров потеряла почти большинство ее территорий.

Глава 1. Военный город 47

Егора разбудил не будильник — заводской гудок.

Он раздавался ровно в 6:00 каждое утро с северной стороны города, где работали литейные цеха. Там плавил «кристаллит» — руду из разломов, из которой делали бронебойные сердечники и клинки. Гудок был старый, еще с довоенных времен, и звучал как предсмертный крик слона. За сто двадцать четыре года никто не догадался его заменить.

Егор открыл глаза.

Потолок — бетонный, но не бункерный, а обычный, квартирный. Над ним — еще три этажа такой же панельной пятиэтажки. Дом стоял здесь еще до разломов. Уцелел чудом — только южная стена была заделана свежими плитами, там год назад пробила крышу шальная артиллерийская граната. Не твари — свои же, когда гнали стаю стригунов на дальних подступах.

Он сел на кровати. Койка была армейской — узкой, жесткой, с панцирной сеткой. Но стояла она в обычной комнате, с обоями в цветочек (обои выцвели, но рисунок еще угадывался) и с окном, заклеенным крест-накрест бронепленкой.

За окном было темно. В шесть утра в Военном городе 47 зимой еще темно.

Егор встал, прошел к окну, отодвинул штору (тяжелую, брезентовую — вместо портьер). Сквозь бронепленку было видно двор: серый снег, ржавые качели, несколько мужиков в телогрейках, куривших у подъезда. Обычный двор. Обычный город. Если не считать стен периметра, которые угадывались на горизонте — темная полоса на фоне рассвета.

Военный город 47. Дома, улицы, школа, рынок, госпиталь. Пятьдесят тысяч человек. И стены. Всегда стены.

Он оделся быстро, по-военному. Штаны, свитер (грубая шерсть, колется), сверху — легкая куртка. Броню надевать не стал — сегодня тренировка, не вылет.

На кухне было пусто. Соседка тетя Галя уже ушла на смену — она работала в теплицах, растила помидоры. Для нее это было привилегией. Помидоры шли только Военному совету и в госпиталь. Себе она приносила только ботву, но и ботву варили и ели как щи.

На столе лежало удостоверение. Серый прямоугольник с печатью: «Вольный оператор, группа быстрого реагирования, позывной „Стрелок“». Он взял его, сунул в карман. Рядом — медицинская карта. Он открыл её, пролистал до последней страницы.

«Заключение: испытуемый демонстрирует повышенную устойчивость к эффекту разлома. Коэффициент сопротивляемости — 8.2 (норма для С-1 — 1.5–2.0). Рекомендован к допуску для длительных миссий. Статус: „Чистый“.»

Чистый. Егор ненавидел это слово. Оно звучало как клеймо. Как будто он не человек, а расходный материал.

Он закрыл карту, сунул в другой карман. Выходя, застегнул дверь на щеколду — в ВГ-47 воров почти не было, но на всякий случай.

До казармы, где проходило построение, было двадцать минут пешком. Егор пошел через центр.

Город просыпался. Рынок у ДК (Дом культуры, который теперь назывался «Сборный пункт №3») уже работал. Бабки торговали консервами, патронами, самокрутками. Какой-то мужик предлагал «настоящий кофе, довоенный» — Егор не поверил, довоенный кофе кончился лет пятьдесят назад. Другой продавал небольшие ампулы с мутной жидкостью — «эфир», газ из разломов. Говорили, что если вдохнуть, то видишь будущее. Говорили также, что после этого живешь не больше года.

У стены стояли трое в форме — молодые, лет по двадцать, с синими нашивками на рукавах. «Чистильщики», как и он. Один кивнул, Егор кивнул в ответ.

На перекрестке горели фонари — тусклые, оранжевые, питались от старого генератора на «эфире». Электричество в городе было, но экономили. Свет давали только центру и госпиталю. Окраины сидели в темноте, грелись буржуйками.

Мимо проехал бронетранспортер — старый, ржавый, но ходовой. В кузове сидели четверо, все с автоматами. Патруль. Каждый день патрули. Сто двадцать четыре года — а привыкнуть нельзя.

Казарма стояла на восточной окраине, рядом с ангарами. Здание было бывшей школой — на фасаде еще висела выцветшая табличка «Средняя школа № 12». Внутри вместо парт стояли стеллажи с оружием, вместо спортзала — тир.

Егор зашел внутрь. В коридоре пахло оружейной смазкой и старым потом. У раздевалки стоял Костя.

— Стрелок, — кивнул он.

Костя был огромен. Два метра двадцать, плечи — шире дверного проема. Лысый, лицо в мелких шрамах. Он стоял, прислонившись к стене, и чистил ногти ножом. Обычным, не боевым.

— Кузнец, — ответил Егор. — Как нос?

Костя скривился. Вчера после вылета у него полчаса шла кровь из носа — микроразрывы капилляров. Врачи сказали, что вторая сыворотка дает такую побочку. Мышцы растут, а сосуды не успевают.

— Нормально, — сказал Костя. — Еще пару дней, и снова в дело.

— Тебе бы отдохнуть.

— Не могу. — Костя убрал нож. — Через три дня зачистка южного периметра. Там Д-разлом открылся. Местные говорят, стригуны выползают по ночам. Без меня не справятся.

Егор не стал спорить. Костя был единственным в отряде, кто мог носить «Копье». Ручной рельсотрон весил 78 килограммов без батареи — никто другой даже не поднял бы.

Из раздевалки вышел Бек.

— Хан, — поздоровался Егор.

Бек кивнул. Он был невысоким, жилистым, с темной кожей и узкими глазами. Но главное — его глаза. Зрачки были вертикальными, как у кошки. Сыворотка первой версии дала ему сверхчувствительность и ночное зрение, но за это пришлось заплатить — глаза изменились навсегда.

— Тренировка в тире, — сказал Бек. — Майор уже там.

— Идем.

Тир находился в подвале. Спустились по бетонной лестнице, мимо плаката «Памятка: как отличить стригуна от человека» — на плакате было нарисовано длиннорукое существо и подпись: «Беги. Не оглядывайся. Стреляй».

Рядом — другой плакат, больше, с классификацией разломов.

ПОМНИ: разлом может открыться где угодно и когда угодно.

Даже "чистый" район — не гарантия безопасности.

Докладывай о любых аномалиях немедленно.

Егор задержал взгляд на верхней строке. S-ранг. Первые разломы. Те, что открылись сто двадцать четыре года назад. Один из них — там, где раньше была старая Москва. Теперь это «Красная зона». Говорят, оттуда никто не возвращался.

— Застыл, Стрелок? — голос Корсакова вывел его из раздумий.

В тире было темно. Корсаков стоял у стойки, наклонившись над столом. Перед ним лежал разобранный «Медведь» — крупнокалиберная винтовка под патрон 20×110 мм.

— Майор, — сказал Егор.

Корсаков поднял голову. Ему было под пятьдесят, но выглядел он на все шестьдесят. Лицо в шрамах — один от виска до подбородка, другой через губу. Глаза светло-серые, почти белые. Он тоже был на сыворотке — первой версии. С-2 отказался принимать, когда ему предложили. Сказал: «Мне и так хватает». Его мутация была в костях — они стали толще, тяжелее. Майор весил под двести пятьдесят килограммов, хотя жира на нем не было.

— Опоздали на три минуты, — сказал Корсаков.

— Пробки, — ответил Егор.

Майор не улыбнулся.

— Сегодня стрельба подвижная. Три мишени, время — десять секунд. Стрелок — первый.

Егор подошел к стойке, взял свой «Буран». Штурмовая винтовка калибра 12,7×55 мм. Вес — 8,5 килограмма. Ствол из сплава с кристаллитом — не ржавеет, не перегревается. Он зарядил магазин, передернул затвор.

— Готов, — сказал он.

Корсаков нажал кнопку. В конце тира загорелись три силуэта — стригуны. Они двигались на рельсах, дергано, имитируя настоящую тварь.

Егор выстрелил. Первая пуля — в голову. Вторая — в грудь. Третья — в плечо.

Мишени остановились.

— Два попадания, — сказал Корсаков, глядя на прибор. — Голова — чисто. Грудь — чисто. Плечо — рикошет.

— Плечо под углом было, — ответил Егор.

— Не оправдывайся.

Корсаков отложил планшет. Посмотрел на Егора.

— Через неделю у тебя аттестация на С-2.

Егор замер.

— Что?

— Аттестация. Ты подавал заявку полгода назад. Комиссия одобрила.

— Я думал, они отказали.

— Передумали. — Корсаков пожал плечами. — Твои показатели стабильны. Анализ крови — идеален. Психотест — прошел. Плюс твой статус «чистого» — это большой плюс для комиссии.

Егор молчал. С-2. Вторая сыворотка. Она могла сделать его сильнее — или убить. Примерно тридцать процентов кандидатов не проходили — их мутации выходили из-под контроля, и они умирали в страшных муках. Или хуже — превращались в нечто, напоминающее тварей.

— Ты не обязан, — сказал Корсаков. — Никто не заставляет. Но без С-2 ты никогда не поднимешься выше рядового оператора.

— А что выше?

Корсаков помолчал.

— Есть проект. — Он понизил голос. — Для тех, кто прошел С-2 и имеет высокую устойчивость к эффекту разлома. Но об этом потом. Сначала экзамен.

После тира Егор вышел на улицу. Дышать было тяжело — ветер с севера нес гарь от литейных цехов. Он достал пачку «Казбека» — суррогат, конечно, но курить хотелось.

— Дай закурить, — сказал голос сзади.

Егор обернулся. Бек стоял в тени здания, скрестив руки на груди. Его вертикальные зрачки блеснули.

— Не курю, — ответил Егор.

— Врешь.

Егор протянул пачку. Бек взял одну, прикурил от спички.

— Ты пойдешь на С-2? — спросил Бек, выпуская дым.

— Не знаю.

— Я прошел год назад. — Бек закашлялся. — Три дня лежал в лазарете. Думал, что сохну. Глаза вылезали из орбит. А потом — ничего. Открыл глаза, и мир стал другим. Я видел мух на стене за двести метров. Слышал, как сосед в соседнем доме открывает холодильник.

— Звучит как проклятие.

— Иногда, — согласился Бек. — Но я жив. И я сильнее, чем был. А ты — чистый. У тебя шансов больше, чем у меня было.

— Тридцать процентов — это не много.

— Тридцать процентов — это каждый третий. — Бек затушил окурок о стену. — Но без С-2 ты так и останешься пехотой. А тебя зовут в другое место.

— Ты знаешь, что за проект?

Бек покачал головой.

— Майор не говорит. Но он что-то знает. И он выбрал тебя.

После обеда у Егора была свободная смена. Он пошел в город — не по делам, просто побродить.

ВГ-47 жил своей жизнью. На центральной площади (когда-то она называлась Ленина, потом переименовали в Площадь Выживших) работал рынок. Мужики в телогрейках торговали патронами — самодельными, низкого качества, но дешево. Бабки продавали квашеную капусту — единственное, что росло в теплицах в достатке. Дети бегали между рядов — голодные, с острыми скулами.

У стенда объявлений толпился народ. Егор подошел.

На стенде висели списки:

«Погибшие за неделю. Зачистка периметра. Северный сектор»

Семь фамилий. Трое — его знакомые. Он видел их в столовой, на тренировках. Теперь их нет.

Ниже — другой список:

«Кандидаты на С-2. Аттестация через 7 дней»

Егор нашел свою фамилию — десятая сверху. Рядом с фамилией — пометка: «Чистый. Коэффициент 8.2. Рекомендован».

— Стрелок!

Егор обернулся. Сзади стоял парень в гражданском — лет двадцать пять, рыжий, веснушчатый. Егора не знал.

— Чего? — спросил Егор.

— Ты из отряда Корсакова? Тот самый, чистый?

— Допустим.

— Слышал, тебя в проект вызывают. — Парень понизил голос. — Говорят, оттуда никто не возвращается.

— Откуда ты знаешь?

— Все знают. — Парень оглянулся. — У меня брат был в первой группе. Три года назад. Ушел и не вернулся. Даже тела не нашли.

— Куда ушел?

Парень посмотрел на стенд, на красные буквы в верхней строке классификации.

— Туда. В S-разлом. Самый первый.

Егор промолчал.

— Ты бы отказался, — сказал парень. — Если можешь.

— А я могу?

Парень не ответил. Развернулся и ушел, смешавшись с толпой.

Вечером, перед ужином, Егора вызвал Корсаков.

Кабинет майора находился в административном здании — бывшей поликлинике. На первом этаже — медпункт, на втором — командование. Кабинет был маленький, заваленный бумагами и планшетами. На стене — карта. Старая, бумажная. Красные кружки — разломы. Их было больше тридцати. Один, в районе старой Москвы, был обведен жирной красной линией. Рядом — пометка: **«S-01. Первый разлом. Не запечатан. Уровень угрозы — критический»**

— Закрой дверь, — сказал Корсаков.

Егор закрыл.

— Садись.

Майор долго молчал. Потом достал флягу, отхлебнул. Протянул Егору. Тот отказался.

— Ты прошел отбор на С-2, — начал Корсаков. — Это хорошо. Но есть еще кое-что.

Он открыл ящик стола, достал тонкую папку. На обложке было написано: **«Совершенно секретно. Уровень допуска — особый»**

— Проект «Глубина», — сказал майор. — Слышал что-нибудь?

— Только слухи.

— Слухи — это дерьмо. Я скажу, как есть. — Корсаков понизил голос. — Ты знаешь, что такое S-разломы. Те, что открылись в первый год. Оттуда никто не возвращается.

— Знаю.

— Это не совсем правда. — Майор открыл папку. — Кое-кто возвращался. Единицы. Но они не рассказывали, что видели. Потому что их мозги были сожжены эффектом разлома. Кроме одного.

Он вытащил фотографию. Положил на стол.

Егор взял.

Снимок был старый, выцветший, с заломленным углом. На нем — внутри разлома. Это было видно по искаженному фону: стены искривлены, цвета вывернуты наизнанку, пол уходит в бесконечность.

В центре кадра стоял человек.

Обычный человек. Лет тридцати-тридцати пяти. В камуфляже — российский «флора», образца начала 2000-х. Разгрузка, шлем 6Б7-1, в руках — автомат АК-74М. Обычный солдат. Такой же, как тысячи других.

Но было в нем что-то неправильное.

Егор присмотрелся. Ботинки. Не армейские берцы, а какие-то старые, разношенные. На разгрузке — нашивка, которую он не узнал. Не ВДВ, не спецназ, не ВВС. Просто черный круг с белой точкой в центре.

И лицо.

Солдат улыбался. Не испуганно, не нервно. Спокойно. Как будто он был там, внутри, не гостем, а хозяином.

Егор перевернул фото. На обороте — надпись карандашом, нервным, дрожащим почерком:

«Позывной „Ветеран“. Глубина 3. 15.03.2023. Передатчик активен. Сигнал слабый, но стабильный. P.S. Он не стареет.»

— Сто двадцать четыре года назад, — сказал Егор. Голос прозвучал хрипло.

— Да. — Корсаков забрал фото, спрятал обратно в папку. — Он там до сих пор. Мы получаем сигналы. Раз в несколько лет.

— Откуда он? Часть? Подразделение?

— Никто не знает. — Майор покачал головой. — Его нет в базах. Он не числится ни в одной воинской части, которая существовала в 2023 году. Ни в Минобороны, ни в Росгвардии, ни в других структурах. Как будто его никогда не существовало.

— Тогда как он там оказался?

— Это вопрос, на который никто не может ответить. — Корсаков понизил голос. — Но есть кое-что еще.

Он вытащил из папки второй снимок. Более новый. На нем был тот же человек, в том же обмундировании, с тем же автоматом. Но на заднем плане виднелись другие стены — бетонные, с граффити. Современными. Кто-то нарисовал на стене разлома кривое солнце и подписал: «ВГ-47».

— Это сделали позапрошлой зимой, — сказал Корсаков. — Наши разведчики наткнулись на него в старом разломе в трехстах километрах отсюда. Он не сказал ни слова. Просто улыбнулся, развернулся и ушел вглубь.

— И вы не стали его преследовать?

— А ты бы стал? — Майор посмотрел на него в упор. — За ним была глубина. Там, куда даже «чистые» не суются. У наших разведчиков через десять минут начали идти носом кровь и двоиться в глазах. Они еле выбрались.

Корсаков спрятал оба снимка в папку.

— И теперь ты понимаешь, Стрелок, почему мы ищем таких, как ты.

— Вы хотите, чтобы я нашел его.

— Мы хотим, чтобы ты выяснил, что там, внутри. Что такое разломы на самом деле. И почему один человек может находиться там сто двадцать четыре года и не сходить с ума. — Майор помолчал. — И да. Если получится — найти его. И спросить, как он это делает.

Егор молчал. В голове крутились обрывки: человек в «флоре», АК-74М, нашивка с черным кругом. Нестареющий. Улыбающийся. Идущий в глубину, куда никто не решается.

— Почему он не пытается выбраться? — спросил Егор.

— Может, не хочет. — Корсаков пожал плечами. — А может, не может. Или уже некому.

— Кто еще знает о проекте?

Корсаков помолчал.

— Высший Совет. И регулярная армия. — Он произнес эти слова так, будто они были проклятием. — Они курируют проект. Они дают ресурсы. Они же и принимают окончательное решение.

— Регулярная армия... — Егор покачал головой. — Никто не знает, кто они.

— Никто, — согласился Корсаков. — Но они существуют. Я видел их однажды. Пять лет назад.

Майор замолчал. Его лицо, и без того изрезанное шрамами, стало жестче.

— Тогда разведка засекла В-разлом в семидесяти километрах к югу. Район считался чистым — мы проверяли его месяц назад. Никаких аномалий. А потом — бах. — Он шелкнул пальцами. — Разлом открылся. Из него вышла стая. Около сотни тварей. Стригуны, два «ломателя» и одна «мать».

— Как вы не заметили раньше?

— Разломы, Стрелок, они как грибы. — Корсаков потер шрам на скуле. — D-ранга живут неделю, и не факт, что вообще откроются рядом с городом. С — месяц-другой. В — до года. Их появление нельзя предсказать с гарантией. Можно только мониторить. Мы мониторили. Но этот вылез там, где не ждали.

— И стая пошла на город?

— На город. Семьдесят километров для них — три часа бега. Мы перехватили их у старой трассы. Там, где когда-то была заправка. — Он усмехнулся. — Стояли три дня. Три дня, Стрелок. Без сна. Без подкреплений. Связь с Новой Москвой работала, но ответ был один: «Держитесь. Помощь в пути».

— Сколько погибло?

— Сорок семь бойцов. — Корсаков произнес эту цифру ровным голосом, как доклад. — Еще тридцать два — ранения, из них десять — тяжелые. «Ломатели» — твари бронированные. Наши пули их не брали. Пришлось подрывать гранатами вплотную. Мы потеряли лучших.

— А «мать»?

— «Мать» мы так и не увидели. Она осталась в разломе. Или ушла обратно. — Майор покачал головой. — Мы уже думали, что всё. Еще одна атака — и нас бы смяли. А потом... они пришли.

— Молчаливые.

— Да. — Корсаков кивнул. — На рассвете четвертого дня. Никто не видел, откуда. Вертолетов не было. Машин не было. Они просто появились из леса. Около тридцати человек. Черная форма, шлемы с зеркальными забралами, никаких знаков отличия. Даже нашивок. Ничего.

— Тридцать человек на остатки стаи?

— Они не просто зачистили. Они уничтожили всё за сорок минут. — В голосе Корсакова проскользнуло что-то, похожее на благоговение. Или на страх. — Я видел, как один из них убил «ломателя» голыми руками. Не оружием — руками. Просто подошел и разорвал тварь пополам. У «ломателя» броня была — три сантиметра хитина, наши пули ее не брали.

— И что с ними стало потом?

— Ушли. Так же тихо, как пришли. — Корсаков потер переносицу. — Через час после зачистки их уже не было. Даже не поблагодарили нас. И мы их — тоже. Никто из них не сказал ни слова. Ни одного. Поэтому их и называют «Молчаливые».

— Ты говоришь, тридцать человек. — Егор нахмурился. — Где они были эти три дня? Пока мы теряли людей?

Корсаков посмотрел на него долгим взглядом.

— Никто не знает, где их базы. Говорят, они не привязаны к городам. У них своя логистика. Свои маршруты. — Он помолчал. — А может, они просто не успели. Страна большая, Стрелок. От Новой Москвы до нас — три тысячи километров по разбитым дорогам, через зоны

заражения. Даже на самых быстрых машинах — несколько дней пути. А район, где открылся разлом, считался чистым. Никто не ждал там В-ранга.

— Значит, они выехали, как только получили сигнал?

— Должны были. — Майор покачал головой. — Но я тебе так скажу, Стрелок. С тех пор я монитору их появление. И заметил одну вещь.

— Какую?

— Они никогда не приходят сразу. Всегда — когда ситуация почти критическая. Когда мы уже почти проиграли. — Корсаков понизил голос. — Может, это логистика. Может, они не могут быстрее. А может... — он запнулся. — Может, они проверяют нас. Смотрят, на что мы способны, когда помощи ждать неоткуда.

Тишина.

— Ты веришь в это? — спросил Егор.

— Я верю в то, что видел, — ответил Корсаков. — А всё остальное — догадки. И запомни, Стрелок: если тебя выберут для «Глубины» — ты будешь работать с ними. С регулярной армией. Они будут сопровождать тебя. Охранять периметр. И никто не знает, что у них в головах.

Он открыл дверь.

— Иди. Думай. Через неделю ответ.

Егор вышел на улицу. Было темно — фонари на окраинах не горели. Только луна, мутная, сквозь пелену.

Он закурил. Руки не дрожали. Они не дрожали уже очень давно.

Впереди, за стенами города, за периметром, где-то в темноте, ждали разломы. D, C, B, A, S. Ждали твари. Ждал человек в выцветшей «флоре» с автоматом АК-74М, который сто двадцать четыре года улыбался в объектив и не старел.

И ждали «Молчаливые» — те, о ком никто ничего не знал, но кто решал, кому жить, а кому умирать.

Егор выбросил окурок, поправил воротник и пошел домой.

Завтра был новый день. А через неделю — аттестация.

По пути он прошел мимо старого здания госпиталя. На втором этаже горел свет. Там, в закрытом крыле, лежали те, кто вернулся из разломов с прогоревшим мозгом. Они не кричали. Они не плакали. Они просто сидели и смотрели в стену. Их называли «пустышки».

Егор ускорил шаг.

Он не хотел стать пустышкой. Но он также не хотел всю жизнь гонять стригунов на периметре, пока однажды кто-то из них не окажется быстрее.

Он хотел знать, что там, внутри. В глубине.

Глава 2. Кандидаты

Егора разбудил не гудок — голос за окном.

— Эй, чистый! Вставай, твоя фамилия на стенде!

Он рывком сел на кровати. За окном еще было темно — бронепленка пропускала только серый рассветный свет. Кто-то ломился в дверь. Соседка тетя Галя уже ушла на смену, так что стучать было некому.

— Иду, — сказал Егор, натягивая штаны.

На пороге стоял парень в форме — молодой, веснушчатый, из его же отряда. Позывной «Чиж». Он тяжело дышал — бежал через весь город.

— Твоя фамилия, — повторил Чиж, тыча пальцем в сторону центра. — В списке. На С-2. Пятнадцать человек. Ты десятый.

Егор молчал. Он знал, что список вывешат сегодня. Знал еще вчера. Но услышать это вслух было по-другому.

— Кто еще? — спросил он.

— Из наших — только ты. — Чиж перевел дух. — Из других отрядов — «Молот» из двенадцатого, «Клык» из пятого, «Сварщик» из восьмого, «Философ» из третьего, «Тишина» из девятого. И еще десять. Я не всех запомнил.

— «Молот»? — Егор нахмурился. — Тот, с тиком?

— Он самый. — Чиж понизил голос. — Говорят, он уже три раза подавал заявку. В этот раз пропихнули.

— А «Философ»? Ему же за сорок.

— Ему. — Чиж пожал плечами. — Голоса сказали, что пора.

Егор вздохнул. Он знал всех, кого перечислил Чиж. Знал и того, чего о них говорили. «Молот» — сильный, но дерганый. «Клык» — агрессивный до безумия. «Философ» — тихий, но с ним никто не хотел сидеть в одной машине. «Сварщик» — женщина с белыми глазами, которая смеялась, когда другие плакали. «Тишина» — немой, но от него хотелось держаться подальше.

Пятнадцать кандидатов. Пятнадцать человек, которые решили рискнуть. Из них пройдут — по статистике — десять-одиннадцать. Остальные — лазарет или смерть.

— Спасибо, Чиж, — сказал Егор. — Я понял.

Чиж кивнул и убежал. Егор закрыл дверь, прислонился к ней спиной.

— Пятнадцать, — сказал он вслух. — Десятый.

Он прошел на кухню, налил кипятку в кружку. Руки не дрожали. Они не дрожали уже очень давно.

Казарма гудела.

Когда Егор вошел в здание бывшей школы, коридоры были полны народу. Чистильщики в форме, гражданские в телогрейках, несколько офицеров с планшетами. У стенда, где висел список, толпились люди.

Егор не стал пробиваться. Он знал свою фамилию. Вместо этого он прошел в столовую.

Там уже сидели другие кандидаты.

Их можно было узнать по нашивкам на рукавах — красная капля, символ С-2. Пятнадцать человек. Некоторые ели, некоторые просто сидели, уставившись в одну точку.

Егор сел за свободный стол, взял поднос с овсянкой. Рядом никого не было — остальные кандидаты держались отдельно, каждый в своей зоне комфорта. Или не-комфорта.

Первым он заметил «Молота».

Тот сидел в углу, положив руки на стол. Левая рука дергалась — нервный тик, который он не мог контролировать. Пальцы скребли по пластику, оставляя белые царапины. «Молот» был здоровяком — под два метра, широченные плечи, бычья шея. Но глаза у него были бегающие, как у загнанного зверя.

Он поймал взгляд Егора и дернул головой.

— Чего уставился, чистый?

— Ничего, — ответил Егор. — Ем.

— Ешь. — «Молот» дернул левой рукой. — Завтра может быть поздно.

Он засмеялся — нервно, отрывисто. Никто не поддержал.

Рядом с «Молотом» сидел «Клык». Молодой парень, лет двадцати пяти, с рукавами, закатанными до локтей. Его предплечья были покрыты костяными наростами — серыми, шершавыми, похожими на кору. Они росли прямо из кожи.

«Клык» держал в руке нож и методично срезал наросты. Кровь капала на пол, но он, казалось, не замечал. Наросты отрастали снова — медленно, но верно. Парень улыбался.

— Ты бы перевязал, — сказал Егор.

— Зачем? — «Клык» поднял голову. Глаза у него были желтоватые, с расширенными зрачками. — Они все равно вырастут. Это моя плата. Моя сила.

Он срезал еще один нарост и положил его на стол. Рядом с тарелкой с супом.

Сидящий за соседним столом кандидат отодвинулся.

— Не бойтесь, — сказал «Клык». — Это не заразно.

Он засмеялся. Тонко, противно.

Егор отвернулся.

«Сварщик» сидела у окна.

Ее можно было узнать по глазам — абсолютно белым, без радужки и зрачка. Побочка от первой сыворотки. Она потеряла цветное зрение, но получила ночное — такое острое, что могла читать в полной темноте.

Она не ела. Просто сидела, повернув голову к окну, хотя за окном было серое утро и ничего интересного.

— Красиво, правда? — сказала она, не оборачиваясь.

Егор не понял, к кому она обращается.

— Я говорю с тобой, чистый, — сказала «Сварщик». — Ты смотришь на меня уже пять минут.

— Извини, — сказал Егор. — Я не...

— Не пялился? — Она повернула голову. Белые глаза смотрели сквозь него. — Пялился. Но я привыкла. Все пялятся.

— Что ты там видишь? — спросил Егор, кивнув на окно.

— Ничего. — «Сварщик» улыбнулась. — Я не вижу цветов. Для меня мир — это оттенки серого. Но я помню, каким он был. До разломов. Я помню синее небо.

Она замолчала. Потом засмеялась — тихо, неуместно.

— Дурацкая память, правда? Лучше бы забыла.

«Философ» стоял в углу столовой, прислонившись к стене.

Он был старше остальных — за сорок, с сединой в коротко стриженных волосах. Лицо спокойное, почти безмятежное. Но он шевелил губами — постоянно, без остановки. Разговаривал сам с собой. Или не с собой.

Егор знал его историю. «Философ» принял С-1 пятнадцать лет назад. Мутация — регенерация. Он мог заживлять раны за считанные минуты. Но побочка оказалась страшнее: он начал слышать голоса.

Голоса говорили ему, что разломы — это не катастрофа. Что это роды. Что новая Земля рождается, а люди — всего лишь повитухи.

«Философ» никому не причинял вреда. Но от него хотелось держаться подальше.

— Ты слышишь? — спросил он, глядя прямо на Егора.

— Что?

— Они говорят. — «Философ» улыбнулся. — Они говорят, что сегодня будет важный день. Что среди нас есть тот, кто дойдет до глубины.

Он посмотрел на «Молота», на «Клыка», на «Сварщика».

— Может, это ты. Может, я. Может, никто.

— И что говорят голоса? — спросил Егор.

— Голоса говорят... — «Философ» наклонил голову, прислушиваясь. — Они говорят, что двое из нас не проснутся после инъекции.

Тишина.

— Заткнись, — сказал «Молот» из своего угла. — Заткнись, или я тебя заткну.

— Я только повторяю, — ответил «Философ». — Это не я. Это они.

Он снова начал шевелить губами, отгородившись от остальных невидимой стеной.

В столовую вошел Корсаков.

За ним — еще несколько командиров отрядов. Они оглядели кандидатов, пересчитали.

— Построение на плацу через десять минут, — сказал Корсаков. — Сегодня — полоса препятствий. Работаете в группах. Группы определит компьютер.

Он посмотрел на Егора. Ничего не сказал, но взгляд задержался на секунду дольше, чем на других.

Кандидаты начали вставать. «Клык» сгреб со стола отрезанные наросты в карман. «Молот» задержал левой рукой, пытаясь успокоить. «Сварщик» поднялась бесшумно, как тень.

Егор допил остывший чай и пошел на выход.

Плац был засыпан серым снегом.

Кандидатов построили в шеренгу. Пятнадцать человек — разных возрастов, разных отрядов, разных мутаций. Их разделили на три группы по пять человек.

Егор попал в третью группу. Вместе с ним — «Молот», «Клык», «Сварщик» и «Философ».

— Отлично, — сказал «Молот», дергая рукой. — Собрали психушку и одного нормального.

— Ты про себя? — спросил «Клык», улыбаясь.

— Заткнись, нарост.

— Заткни сам.

— Прекратили, — сказала «Сварщик» своим тихим голосом. — Мы одна группа. Будем работать вместе или разойдемся по лазаретам.

— Голоса говорят, что мы должны слушать ее, — вставил «Философ». — Она права.

— Мне плевать, что говорят твои голоса, — рявкнул «Молот». — Я здесь главный по силе.

— А я главный по ножу, — сказал «Клык», поигрывая лезвием.

— А я главная по глазам, — добавила «Сварщик».

Все посмотрели на Егора.

— А я главный по тому, чтобы вы не перебили друг друга, — сказал он. — Пошли уже. Полоса не ждет.

Полоса препятствий находилась за ангарами.

Она была построена специально для подготовки к разломам. Искаженные стены, сужающиеся коридоры, дымовые завесы, звуки тварей из динамиков. Иногда — настоящие стригуны, пойманные и обездвиженные, но еще живые. Для запаха.

Инструктор — старый сержант с металлической челюстью — стоял у входа.

— Правила простые, — сказал он, глядя на кандидатов. — Вы заходите группой. Внутри — пять контрольных точек. На каждой — задание. Не пройдете точку — не пройдете полосу. Потеряете человека — не пройдете полосу. Сдохнете — не пройдете полосу.

Он усмехнулся.

— Сдохнуть, кстати, можно. У нас есть разрешение на боевые травмы. Так что не подведите.

Он открыл дверь.

— Время пошло.

Внутри было темно и тесно.

Стены сужались, расширялись, снова сужались. Коридоры петляли. Из динамиков доносился вой — запись голоса стригуна, но усиленная, многократная.

— Я ничего не вижу, — сказал «Молот».

— А я вижу, — ответила «Сварщик». — Налево. Там проход.

Она пошла первой, ведя группу за собой. Егор шел за ней, держа «Буря» наготове (боевыми не стреляли, но холостые — пожалуйста). За ним — «Философ», бормочущий что-то под нос. Потом «Клык», который то и дело касался стен, оставляя на них кровавые следы. Замыкал «Молот», тяжело дыша и дергая рукой.

Первая точка — головоломка. Нужно было отключить сирену, нажав три кнопки в определенной последовательности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.